

УДК 882
ББК 84 (2=рус)5+84

Олеся Юрьевна Баранова,
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: olesja2774@rambler.ru

«Авван и Гайро» Ф. И. Бальдауфа – первая романтическая поэма Забайкалья: к вопросу о современной интерпретации

Статья посвящена главному памятнику литературной деятельности Ф. И. Бальдауфа – поэме «Авван и Гайро». Забайкальский поэт первой половины XIX века первым вводит в русский литературный текст незнакомый прежде топоним – Забайкалье, с его национальным колоритом, обычаями, традициями, природой. Поэма не только отражает романтические традиции времени, использует романтическую символику и эмблематику, но и поднимает вневременные вопросы любви, чести, верности, веры, дружбы. Автор статьи, опираясь на уже сложившуюся в отечественной исследовательской литературе интерпретацию поэмы, впервые акцентирует внимание на именах главных героев, местных легендах, включённых в текст поэмы, их роли в раскрытии основного конфликта, предлагает новое прочтение поэмы с учётом значения имён главных героев, некоторой национальной лексики, обращает внимание на роль второстепенных сюжетных линий поэмы. Данная статья не исчерпывает возможности толкования первой забайкальской романтической поэмы. Метод её интерпретационного анализа позволяет рассматривать произведение Ф. Бальдауфа в разных контекстах: романтической, региональной, общенациональной литературных традициях. Все эти изыскания направлены на подтверждение не раз высказанной в отечественной критике мысли о незаурядности таланта первого забайкальского поэта.

Ключевые слова: романтическая поэма, инонациональные заимствования, смыслопорождение, интерпретация, транспозиция, конфликт.

Olesya Yurievna Baranova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: olesja2774@rambler.ru

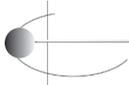
Avvan and Gayro by F. I. Baldauf – Transbaikalia First Romantic Poem: Modern Interpretation

The article is devoted to the poem *Avvan and Gayro*, the main monument of F. I. Baldauf's literary activity. The Transbaikalia poet of the first half of the XIXth century was the first to introduce topos Transbaikalia, unfamiliar before, with its local color, customs, traditions, nature into the Russian literary text. His poem not only reflects romantic traditions of that time, uses romantic symbols and emblems, but also brings up timeless questions of love, honor, fidelity, belief, and friendship. The author of this article, based on the poem interpretations, which have already been developed in the domestic research literature, for the first time focuses attention on names of the main characters, local legends included in the text of the poem, their role in the main conflict disclosure. The author offers a new reading of the poem taking into account the significance of the main characters' names, some national vocabulary, pays attention to the poem's by-plot role. This article doesn't exhaust potentialities of the first Transbaikalia romantic poem interpretation. The method of interpretative analysis allows the author to consider F. Baldauf's work in different contexts: romantic, regional, national literary traditions. All the research is directed to reinforce the idea, more than once expressed in domestic criticism, that the first Transbaikalia poet's talent is outstanding.

Keywords: romantic poem, foreign borrowings, generating, interpretation, transposition, conflict.

С именем Фёдора Ивановича Бальдауфа (1800–1839), забайкальского поэта, часто и справедливо сочетается эпитет «первый». Он первый сибирский поэт; первый, кто вводит в литературу особый, незнакомый для читате-

ля XIX века топоним – *Байкал, Даурию* (стихотворение «Вечер на берегу Байкала», 1821 г.); первый из поэтов, кто воспел удивительную красоту бурятской девушки («Самуйе», «К бурятке», 1828 г.); первый, кто включает в рус-

ский поэтический текст национальную забайкальскую лексику, рассказывает о местных традициях и обычаях; первый из поэтов, кто соединил забайкальский текст с общероссийской литературной романтической традицией; уже первым своим произведением – романтической поэмой «Кавиту и Тунгильби» (1819 г.) – он обратил на себя внимание критиков «глубиной раскрытия сибирской темы», которой хоть и касались поэты-романтики, но весьма условно и поверхностно.

О лучшем и самом известном произведении Ф. И. Бальдауфа – романтической поэме «Авван и Гайро» (1834) [1] – писали много¹. Чаще всего оценке критиков подвергался романтический сюжет, необычность любовного конфликта, инонациональные вкрапления в текст поэмы, образы главных героев. Поэма рассказывает о печальной истории взаимной любви русского юноши Ивана и тунгусской девушки Гайро; влюблённым не суждено быть вместе, потому что героиня не желает принимать веру возлюбленного – так чаще всего в исследовательской литературе передаётся краткое содержание поэмы.

В основу поэмы был положен рассказ горного кадета, позже шихтмейстера, сослуживца Бальдауфа Ивана Петровича Корнилова «об интриге с тунгуской молодого человека», которым, скорее всего, он и являлся [4]. Вместе с ним Бальдауф летом 1834 года был командирован на Дабасу-Нор – Борзинское соляное озеро. И хотя здесь нужно было вести наблюдения за погодой, садкой соли, производить шурфовку, посылать отчёты, всё же это было место покоя, необыкновенной красоты и вдохновения. Здесь Бальдауф уже был в 1828 году (и ещё раз будет за год до смерти). Первые за много лет он почувствовал себя тогда свободным. Он знакомится с кочевавшими по степи бурятами и тунгусами, посещает их селения, ночует в их жилищах, изучает их быт, нравы, традиции. Тогда он пишет самое известное своё стихотворение «К бурятке». Не удивительно, что и вторая поездка к озеру была плодотворной. В посвящении к поэме «Авван и Гайро» автор благодарен рассказчи-

ку, Ивану Корнилову, за то, что «воспламенил его потухший гений, восторг души, крылатое веселье»:

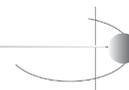
Тебе, мой труд! Пускай же мой «Авван»
В далёком будущем тебе напоминает
Дабасу-Нор и тихий Горохан,
Тебе, певец его, в знак дружбы посвящает!

Возможно, имя «Авван», специально искажённое «Иван», – ключ к источнику сюжета, намёк на «информатора», который для сотоварищей Бальдауфа был весьма прозрачным. Писали ещё, что так называет своего возлюбленного тунгуска Гайро. В лексическом поле поэмы и правда много слов национальной семантики, характеризующихся фонетической неточностью (например, Адун-Челон (хребет на юго-востоке Забайкальского края) и Адуун Шолуун, курым (свадьба) и нурум, Намдзила и Намжила, Шагдур и Шагдар, Шамун и шамуун и т. д.). С «акцентом» своего героя называет и автор, ни разу в тексте поэмы не употребив привычное ему «Иван». Неизвестно, знал ли Ф. И. Бальдауф местные наречия. Если нет, – то такое искажение орфографического облика слова для передачи русского произношения вполне объяснимо. Но можно предположить, что рождённый в Забайкалье, с детства общавшийся с местным населением, он если и не владел их языком, то понимал его. Есть сведения, что многие среди русскоязычного населения той эпохи говорили по-бурятски, а в их говорах встречаются бурятские заимствования [3, с. 133]. Однако это может объяснить авторскую речь, но не речь героини. О Гайро сказано, что она «по-русски чисто, ясно, как Ломоносов, говорит», значит, произнести имя возлюбленного по-русски для неё не должно было быть сложным.

Поэма начинается с того, что молодая тунгуска спасает от верной гибели скачущего во весь опор русского всадника. Авван покорён красотой девушки, видит в ней воплощение идеала любви, но встреча с «красой степей» почему-то пугает его. Тревожит его и пророческий сон, который он видит в первую ночь, беспокойно засыпая в юрте Гайро: крест, пылающий в воде, предвещает разлуку влюблённым.

Следующее событие в тексте лишь усиливает чувство страха, рождённого первой встречей с Гайро: Авван, видя, как Гайро ведёт в степи табун, сравнивает это зрелище с восставшим «злым Шамуном». Слово «шамун» в комментариях к поэме переводится как «злой дух». Известно, что Бальдауф любил слушать бурятские улигеры, знал их, что-то записывал. Возможно, речь идёт о Муушу-

¹ Азадовский М. К. Бурятия в русской лирике, 1925; Белоусов А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964; Мальцева М. П. Старая тетрадь // Чита литературная, 1999. – № 8; Мясников А. В. Правда и вымысел о первом поэте края // Читинское обозрение. – 2009. – № 13 (25 марта). – С. 30; Новиков-Даурский Г. Автор поэмы «Авван и Гайро», 1909; Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. – Чита, 1954. – 260 с.; Полетаева Л. Г. Поэт старого Забайкалья Федор Бальдауф // Забайкалье. – 2002; Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней). – Чита, 1922.

буун – духе-оборотне, обычно являющемся в образе красивой девушки с *птичьим клювом*, который она прикрывает ладонями, этот дух заманивает человека и затем съедает его. Муушубуун – наиболее распространённый демонологический персонаж в низшей шаманской мифологии (букв. «плохая *птица*»). По легендам и преданиям бурят, «муушубууном<...> делается умершая девушка, если перед смертью дочери отец отдаст ей *огниво*, т. е. положит в могилу; муушубуун имеет обыкновенно человеческий вид, вид женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются наподобие клюва, муушубуун может обращаться в животных, но губы при этом не изменяются. <...>Муушубуун под правой мышкой держит *огниво*, она кричит: «Смотри в руке», – но смотреть не должно – если посмотреть, то *огниво* превратится в червей, а не посмотреть, то можно сделаться богатым». Этот дух часто связан с огнем, красным светом, блеском. Героиня Бальдауфа также связана с огнём, и многие признаки этого мифологического персонажа ей свойственны: автор называет её «девой, с *пламенным* челом», под нею конь «горячий, как *огонь*», на котором она мчится «быстрее *птицы*», она разводит *огонь* в юрте, её губы сравниваются с «*огненным* ургум», её румянец, «как *зарница* яркая сверкает», герой «*пламенеет*» перед «*блеском* её очей», в одну из встреч она дарит Аввану *огниво*. Всё будто предупреждает об опасности новой любви.

Крест во сне предвещает Аввану разлуку «на радость». Складывается ощущение, что разность вероисповеданий становится для героя спасением от любви к тунгуске, поэтому его разговор с ней о христианской вере отнюдь не деликатен, даже жесток, он свою веру навязывает, будто испытывая героиню:

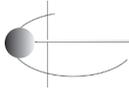
Крестись, Гайро! С твоей пустыней
Я никогда не разлучусь,
Не то – навек с тобой прошусь,
Прошусь навеки безнадёжный.

Авван общается с Гайро не столько как влюбленный, сколько как проповедник («Как проповедник новый, он / В улус поехал...»). Слову «проповедник» в церковном языке соответствует «авва» («отец», «настоятель», «духовный наставник»). В этом смысле имя главного героя соответствует его цели, «миссии» – обратить Гайро в православную веру. Тунгуска выдерживает испытания, оказывается натурой более сильной и цельной, в отличие от Аввана, который за веру лишь прячется. О силе характера «красы степей» говорит и её имя. Учитывая, что националь-

ная лексика в поэме употребляется неточно, можно предположить, что и в имени Гайро есть фонетические искажения. Хотя в работе А. Мясникова, много лет занимающегося биографией Ф. И. Бальдауфа, работающего с архивными документами, и говорится о том, что «в некоторых списках жителей тунгусских селений упоминается имя Гайро», нельзя не учесть особенность передачи бурятских слов русскими буквами: из-за сложности произношения бурятской буквы «h» её на письме заменяли русской «г». Наиболее допустима версия происхождения имени героини Бальдауфа транспозицией монгольского Хорло, что значит «круг, колесо», или цельность, полнота. Встречается также значение «верность отцу». Гайро осознаёт свою наивность в восприятии чувств Аввана в тот момент, когда речь заходит об её отце: «Дай поруку, / Что не отдашь другому руку, / Хотя б отец твой...». Именно отец спасает Гайро от опасной любви к русскому господину, тайно согласившись выдать дочь за давно в неё влюблённого Шагдура, – это бурятская форма тюркского имени Чагдар, означающего «хранитель алмаза», символа твёрдости, храбрости и невинности.

В последнем диалоге главных героев Гайро дважды называет Аввана «неверным». И этот эпитет в речи героини используется не только и не столько в житейском смысле. Вера, ставшая причиной расставания героев, сделала Аввана суеверным: «он *верить* стал коварным снам», «пристрастился к колдунам», «искал их чар и предсказаний...». Кстати, после прочтения поэмы на одном из литературных вечеров в Нерчинском Заводе и распространения её среди местной интеллигенции местное священничество поэму не приняло, увидев в ней насмешку над религией. Авван, требуя от Гайро полюбить «русского Бога», сам его по-настоящему не любил.

Интересно ещё и такое наблюдение: имя героя в тексте поэмы рифмуется либо со словами местной семантики (Горохан, бурхан, бутан, таган, шаман), что говорит о вписанности его в забайкальскую культуру, либо с русским «туман», «обман». Даже слово «нойон» (т. е. «господин»), которым обращаются к герою, рифмуется со словом «сон». В поэтических текстах рифма может служить не только раскодировкой героя, но и авторского отношения к нему. Авван действительно пребывает в состоянии неопределённости, он не только сам заблуждается относительно своего чувства к Гайро, но и вводит в заблуждение героиню, внушая ей, что именно разность веры становится причиной их несчастья.

Годы спустя герой возвращается на Горохан. Места, по которым едет Авван к шаману, полны тайн и легенд. Одна из них о том, как юная царица, жена богатого и сильного князя, влюбилась в молодого бурята. Они задумали побег, но грозный муж вот-вот должен был настигнуть беглецов. Чтобы не разлучаться, молодые возлюбленные умирают вместе. В память об этом место называется «Седлом царицы». В истории, рассказанной Аввану проводником-тунгусом, «намешано былей и небылиц». В её основе – легенда о Бальжин-хатан, широко известная среди местного населения, в которой нет любовной интриги. Княгиня хори-бурят является олицетворением народной памяти: Бальжин-хатан, жертвуя собой, спасла одиннадцать бурятских родов от рабства, объединив их под единое начало. Этот образ в контексте романтической поэмы несёт мощную энергетику бурятской женщины, символизирующей решительность, силу воли, стойкость характера. Поэтическая версия Бальдауфа, который, скорее всего, слышал эту легенду из улигеров, лишь усиливает

мысль автора о том, что в основе любви – жертвенность, в ней не должно быть никаких условностей, мешающих счастью быть вместе. В противном случае – ты обречён на одиночество, на «тоску в сердце». Об этом предупреждает Аввана шаман, сравнивая его жизнь с рекой. Он же рассказывает Аввану историю своей преступной любви, обрётшей его на вечное скитание, страдание и одиночество.

Идеалист по духу, романтизирующий забайкальскую природу, жизнь, традиции бурят, тунгусов, Ф. И. Бальдауф, скорее всего, не задумывался о выборе имён для своих героев, их смыслах. На Дабасу-Нор он просто был счастлив, вдохновлён к творчеству. Но художественный текст обладает удивительной способностью: порождённый сознанием и творческой волей автора, своим бессмертием он обязан читателю. Повесть «Авван и Гайро» была написана Фёдором Ивановичем Бальдауфом чуть менее 200 лет назад. Даже неоконченная, она интересна современному читателю, что говорит о незаурядном таланте первого забайкальского поэта.

Список литературы

1. Балханов И. Г. Об основных этапах развития русско-бурятского двуязычия: межвуз. сб. Улан-Удэ, 1983. 133 с.
2. Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Ученые зап. ЗабГУ. 2014. № 4 (57). С. 139–145.
3. Мясников А. В. Златой самородок // Огни Сибири. 2014. № 2.
4. Пурбуева М. В. Демонологические персонажи в несказочной прозе бурят // Вестн. БГУ. Сер. Филология. 2010. № 10. С. 288–293.

Источники

5. Бальдауф Ф. И. Литературные сочинения. Чита: Поиск, 2008. 160 с.

References

1. Balkhanov I. G. Ob osnovnykh etapakh razvitiya russko-buryatskogo dvuyazych'ya: mezhvuz. sb. Ulan-Ude, 1983. 133 s.
2. Kamedina L. V. Zabaikal'skii tekst v russkoi kul'ture // Uchenye zap. ZabGU. 2014. № 4 (57). S. 139–145.
3. Myasnikov A. V. Zlatoi samorodok // Ogn'i Sibiri. 2014. № 2.
4. Purbueva M. V. Demonologicheskie personazhi v neskazochnoi proze buryat // Vestn. BGU. Ser. Filologiya. 2010. № 10. S. 288–293.

Istochniki

5. Bal'dauf F. I. Literaturnye sochineniya. Chita: Poisk, 2008. 160 s.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015